

Г.Г. Косач

Саудовская Аравия: политический аспект «этапа реформ»

Саудовская Аравия политически реформируется, — сегодня этот процесс очевиден. Одной из вех этого процесса стали указы короля Абдаллы бен Абдель Азиза, преданные гласности 14 февраля 2009 г. Они предусматривали изменение состава членов национального *прото-парламента* — Консультативного совета, введение в государственную «табель о рангах» женщины, впервые в истории страны занявшей пост заместителя министра образования, а также коррекцию состава важнейшего института религиозного истеблишмента (и инструмента легитимации власти правящей семьи Аль Сауд) Совета высших улемов. Отныне среди его членов не только богословы, представляющие связанный с аравийским реформатором ислама Мухаммедом ибн Абдель Ваххабом вариант ханбалитского *мазхаба*, но и другие правовые школы суннитской ветви ислама — ханифитскую, маликитскую и шафиитскую [Авамир, 2009].

Саудовская Аравия — итог экспансии, инициированной семьей Аль Сауд в пределах Неджда, а затем в направлении побережья Персидского залива и Красного моря. Инструментом сплочения огромного территориального пространства стала ригористичная «ваххабитская» доктрина. Ее жесткое неприятие *многобожия*, как и *новшеств*, имело политический подтекст, — лояльность Аль Сауд требовала (и требует сегодня) искоренения регионального (окрашенного в шиитской Восточной провинции в том числе и в тона конфессионального противостояния) сепаратизма и на этой основе достижения единомыслия (а ныне — общенационального консенсуса).

Саудовская государственность, включая и существующее с 1932 г. под его нынешним названием Королевство Саудовская Аравия, всегда опиралась на союз между Аль Сауд и потомками Абдель Ваххаба — семьей Аль Аш-Шейх. Если первые играли роль политического класса, то вторые — носителя необходимой этому «классу» религиозно-политической легитимации. Складывавшаяся в королевстве система исполнительной власти основывалась на распределении обязанностей между двумя «центрами силы». Армия, репрессивный аппарат, управление делами провинций, экономика и внешнеполитические сношения

были монополией Аль Сауд, а осуществление религиозных функций, судопроизводство, поддержание устоев исламской морали и идеологическая индоктринация — Аль Аш-Шейх и примыкавшей к этой семье значительной страты законоучителей-улемов. Взаимодополняющие отношения между этими «центрами силы» не требовали создания институтов представительской власти, как и исключали необходимость выработки каких-либо форм идентичности, выходящей за пределы религиозной или камуфлируемой ею племенной и региональной принадлежности. При восхождении на трон нового монарха улемы, главы племен и ведущие семьи регионов, представляя его подданных, всего лишь приносили *бай'а* — присягу-клятву подчинения правителю.

Однако саудовское государство никогда не было застывшим «цивилизационным» феноменом. Напротив, в эпоху правления и Ибн Сауда, и его сыновей, наследовавших после смерти отца в 1953 г. трон «короля-основателя», само это государство, вступившее в период «регулярных интенсивных контактов с Западом», но оставшееся политически независимым, эволюционировало, формируя новые основы лояльности своих подданных — «не только монарху», но «авторитету» собственно государственной власти. Казавшаяся «естественной эволюция традиционного общества» не только не «прерывалась», но «внешний фактор заставлял слабую центральную власть усиливать свои ресурсы», содействуя «институционализации» внедренных в эту традицию «политических организаций и процедур» [Кудряшова, 2009, с. 259–260]. Если в 1920–1980-е гг. движение в этом направлении было медленным, то в первой половине 1990-х годов, когда было провозглашено начало «этапа реформ», оно было ускорено. Тому были причины международного характера, и прежде всего — события 11 сентября 2001 г. (практически все участники актов террора были саудовцами), а также внутрисаудовские обстоятельства.

Предшествовавший этап эволюции королевства, когда политический истеблишмент направлял доходы от нефтяного экспорта на модернизацию экономики и социума, серьезно изменил саудовское общество. Одним из итогов этой трансформации стало появление нового, «образованного класса» — интеллигенции, а также страты поощряемого государством мелкого и среднего предпринимательства [Аз-Захрани, 2000, с. 129–130]. Внутренние и международные (прежде всего в их региональном проявлении) вызовы 1990-х годов (в частности, кувейтский кризис) содействовали вхождению этого «класса» в саудовскую политику благодаря появлению весной 1992 г. беспрецедентных для королевства конституционных актов. Это были Основной закон правления (*Низам аль-хукм аль-асасий*), Закон о Совете министров (*Низам Маджлис аль-вузара*), Закон о Консультативном совете (*Низам Маджлис аш-шура*) и Закон об управлении провинциями (*Низам аль-манатык*) [Бен Баз, 2000, с. 264–336]. Эволюционный процесс политических реформ обретал форму последовательной тенденции.

I

22 января 2003 г. будущий монарх (в то время наследный принц) Абдалла бен Абдель Азиз встретился с группой интеллигентов и предпринимателей. На инициированной им встрече была предана гласности петиция его собеседников — «Видение настоящего и будущего родины», под которой стояло 115 подписей писателей, журналистов, издателей, преподавателей университетов, предпринимателей, а также врачей, инженеров и юристов [Ру'йя ли хадыр аль-ватан ва мустакбилихи б.г.: 1]. По мнению власти (это обстоятельство в ходе встречи подчеркивал Абдалла бен Абдель Азиз), январская встреча знаменовала собой реальное начало «национального диалога на основе умеренности».

Будущий монарх (и уже фактический руководитель страны) встретился с теми, кто называл себя *людьми науки, знания и умения*. Ранее этот термин относился только к представителям религиозной традиции, связанной с *науками о вере*, а также решением вопросов текущей жизни, соотносившихся с классическими для мусульманина образцами, взятыми из Сунны Пророка. Цитируемый документ интерпретировал это определение шире, распространяя его не только на законоучителей, но и на новый, «образованный класс».

Предшествовавшие этой встрече начинания истеблишмента уже включили в поле принятия политического решения выходцев из этой среды. Весной 1992 г. в Саудовской Аравии был создан Консультативный совет, 60 членов которого были назначены королем (тогда Фахдом бен Абдель Азизом) из числа *людей науки, знания и умения*. Региональным аналогом Консультативного совета стали назначаемые губернаторами из числа местных *людей науки, знания и умения* провинциальные советы. Возникавшие в Саудовской Аравии «совещательные» институты трансформировали ее в «исламскую консультативную конституционную монархию» [Фейсал бен Машаль, 2000, с. 4]. При этом использующийся в саудовском политическом дискурсе и присутствующий в названии Консультативного совета (*Маджлис аш-шура*) термин *аш-шура* — *совещательность* трактовался как синоним понятия «парламентаризм». Суть этого термина вытекала из двух коранических аятов — «И советуйся с ними о деле» [Коран 3:159] и «А дело их по совещанию между ними» [Коран 42:38]. Указание же на «конституционный» характер монархии предполагало, что в королевстве действует «Божественный», а не «мирской» основной закон — Коран.

Обращаясь к будущему монарху, авторы документа «Видение настоящего и будущего родины» приветствовали его желание «выслушать мнение своих братьев и сыновей — граждан страны» по поводу «событий 11 сентября 2001 года», повлекших за собой «изменение международной ситуации и положения в регионе». Авторы петиции заверяли его в том, что «подписавшие этот документ едины в стремлении сохранить неразрывную связь между родиной — Королевством Саудовская

Аравия и ее руководством». Они подтверждали свою «солидарность с действиями руководства, направленными на то, чтобы отразить угрозы» стране. Они же подчеркивали, что «считают ответом на эти угрозы эффективную реформу, способную в еще большей степени сплотить власть и общество» [Ру'йа, с. 1–5]

Оправдывая необходимость реформирования саудовского социума и государства, авторы документа отталкивались от привычной для страны политической риторики. Они ни в коей мере не сомневались в легитимности власти, ведь ее определяют «Коран и Сунна — основы конституции нации», которые, в свою очередь, требуют «реализации шариатского закона» во всем, что связано «с духовной и светской жизнью».

Но, продолжали далее авторы цитируемого документа, «справедливость нуждается в базисе». Этим базисом может быть только «совещательность», — «своего Пророка и, одновременно, правителя Всевышний обязал следовать» этому принципу. Реализация принципа «совещательности», считали участники встречи, требует «целенаправленных и последовательных шагов» в направлении создания «государства институтов, конституционного государства». Считая необходимым «совершенствование Основного закона правления», они подчеркивали, что «этот Закон должен» в конечном итоге «укрепить то понимание конституции, которое основывается на Книге Господа и Сунне Его Пророка». Они мусульмане, и это давало им право, следуя принципу самостоятельного суждения — *иджтихада*, интерпретировать религиозную догму.

По их мнению, события 11 сентября 2001 г. меняли не только мир, но и королевство, оно — «часть современного мира». Почему же тогда, следуя этим переменам, не истолковывать Коран и Сунну в качестве основы для «разделения трех ветвей власти — исполнительной, законодательной и судебной», как «гарантию основных прав граждан — справедливости, равноправия и равенства возможностей», как базу для создания «парламентского консультативного органа, воплощающего участие народа в принятии решения»? Движение в этом направлении предполагает «заключение общественного договора между гражданами и их руководителями», когда обе стороны «поддерживают основанное на взаимном сотрудничестве национальное единство». Национальное единство, как считали авторы петиции, столь необходимое для отражения угрозы отечеству, станет незыблемым, если в королевстве возникнет не назначаемые, а избираемые всеобщим и прямым голосованием парламент и провинциальные советы. Движение же по пути политических реформ создало бы в стране «институты гражданского общества — клубы, ассоциации, профессиональные союзы, общественные и хозяйственные объединения и общества культуры».

Авторы петиции подчеркивали, что готовы содействовать диверсификации саудовской экономики. Диверсифицированная экономика

могла бы внести свой вклад в ликвидацию «диспропорций регионального развития». Поданный наследному принцу документ включил и указание на «поощрение культуры прав человека, провозглашенных исламом до того, как они были зафиксированы в международных документах». Из жизни страны должна была окончательно быть исключена «практика религиозной, конфессиональной, региональной и социальной дискриминации», что ставило вопрос об изменении положения шиитского (и неханбалитских религиозных групп) меньшинства. Тем самым было бы усилено общесаудовское «чувство принадлежности к единой родине». Авторы «Видения настоящего и будущего родины» настаивали на «предоставлении женщинам обеспечиваемых шариатом прав». Судебная система страны должна была подвергнуться реформе, что, в частности, требовало исключения «преследования граждан по политическим мотивам».

Авторы документа считали необходимым добиться общественной поддержки реформ, подчеркивая, что «правительство должно созвать общенациональный конгресс», участниками которого станут представители всех регионов королевства. В ходе работы этого конгресса будут обсуждены «основные проблемы» страны для «создания конституционных основ выработки формулы национального согласия». Участники встречи подчеркивали, что осуществить «необходимые для страны и нации и угодные Всевышнему реформы» может только правящее семейство. Так в чем же состояла их собственная роль? Документ «Видение настоящего и будущего родины» содержал ответ и на этот вопрос.

Будущий «парламентский консультативный орган» должен был стать, по мнению авторов петиции, «воплощением власти *ахль аль-халль ва аль-акд ва ар-рай*», говорящих от имени «народа». Эта формула многозначна. Она указывала на тех, кто в суннитской традиции рассматривается в качестве *обладателей права выбора и утверждения халифа*, выражающих мнение общины и реализующих право «народа» участвовать в принятии решений по коренным вопросам, касающимся жизни всей уммы. Вместе с тем обычная для Саудовской Аравии и основанная на принятом в этой стране ханбалитском мазхабе традиция ранее ограничивала круг *ахль аль-халль ва аль-акд ва ар-рай* религиозными деятелями, и в первую очередь — представителями семейства Аль Аш-Шейх. Теперь же этот термин прилагался и к новому, «образованному классу» королевства, входившему в состав интерпретаторов традиции [Ру'йа, 1–5].

Январская встреча тех, кто представлял национальный «образованный класс», и нынешнего монарха стала исходной точкой нового этапа политических реформ в королевстве. Вместе с тем эта встреча неслась в себе множество значений.

Речь шла, во-первых, об открытом признании истеблишментом возможностей новой страты саудовского социума. Это признание

было актом публичной политики, — встречу освещали все средства массовой информации страны, она стала предметом широкого обсуждения, анализа и комментирования в национальных публикациях и в зарубежных изданиях. Наконец, как доказало последующее развитие событий, встреча с будущим монархом воспринималась ее участниками (и в целом «образованным классом») как заключение союза между ними и ведущей фигурой саудовского «политического класса». Податели петиции считали этот союз естественным, поскольку, как им казалось, они имели право на активные действия в сфере преобразования страны.

В своем абсолютном большинстве авторы петиции получили высшее образование в первую очередь за пределами королевства — в западных университетах (преимущественно в высших учебных заведениях США) или в Египте и Ливане (в частности, в бейрутском Американском университете). Но речь вовсе не шла о том, чтобы повторить в их стране усвоенное в государствах, уровень политического развития которых, как и степень политической культуры, неизмеримо выше, чем в Саудовском королевстве. Напротив, риторика петиции доказывала, что ее авторы стремились действовать в контексте саудовских реалий, предлагая лишь реформировать существующую политическую систему, а не подвергать ее резким и кардинальным изменениям.

Если саудовский истеблишмент на протяжении всего времени существования современного саудовского королевства подчеркивал религиозную основу жизнедеятельности общества и государства, то «образованный класс», вызванный к жизни модернизационными преобразованиями, осуществлявшимися этим же истеблишментом, был ориентирован на «отечество». Предлагавшиеся участниками встречи с будущим монархом реформы несли в себе ярко выраженный оттенок *национальных* задач, решение которых могло бы поставить Саудовскую Аравию в один ряд с ведущими государствами мира. Однако саудовский «образованный класс» стремился к тому, чтобы это решение опиралось на культурную специфику собственной страны, — эта специфика рассматривалась ими в качестве национальной *цивилизационной матрицы*. Суть проблемы заключалась лишь в том, что эта матрица нуждалась в «квалифицированной» интерпретации, которую авторы петиции предлагали будущему королю. Они стремились к консенсусу с политическим (и религиозным) истеблишментом, отнюдь не считая возможным политическое размежевание с «правлящим классом».

Саудовский «образованный класс» вышел из недр патриархального общества, модернизация современного Саудовского государства не изменила базовых основ его жизнедеятельности. Он был выпестован Аль Сауд и демонстрировал свою лояльность королевской семье, отнюдь не считая себя силой, способной в обозримом будущем без опоры на эту семью изменить и саудовский социум, и государство. Тем не менее, этот «класс» уже стал способен выработать осознанную про-

грамму своих устремлений. Традиционная для королевства схема взаимоотношений «правитель — подданные» корректировалась.

Это не означало, что начало ускорения процесса саудовских реформ было связано с инициативой «образованного класса». Однако в саудовском случае «догоняющего» развития важны формальные обстоятельства, — даже если январская 2003 г. встреча и была «дозволена» истеблишментом, она не в меньшей степени была необходима ему, чтобы положить начало «национальному диалогу». Это означало, что в королевстве, в определенном смысле, возникала коалиция будущего монарха и нового «образованного класса», которая, с точки зрения власти, была условна. Власть требовала от «образованного класса» ориентации на принцип «умеренности» — отказа от «экстремистских» требований, действий в рамках консервативных перемен. Это было важно и потому, что начиная с весны 2003 г. (сегодня — это уже повседневная реальность страны) Саудовская Аравия стала полем деятельности тех, кого в ней называют восходящим к заключительным айатам первой суры Корана термином *заблудшая секта* [Коран 1:5–7] — апеллирующей к религиозной догме антисистемной оппозиции. Наконец, власть, а не «образованный класс» приступала к реализации положений петиции «образованного класса», претворяя их в жизнь в то время и в тех формах, которые она считала адекватными ее интересам и отождествлявшихся с этими интересами «национальных чаяний».

II

В августе 2003 г. в Эр-Рияде был создан Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза для организации «встреч» представителей саудовской общественности. В определенном смысле речь шла об «общенациональном конгрессе», к проведению которого призывали авторы документа «Видение настоящего и будущего родины». Его создание было призвано содействовать «укреплению национального единства, базирующегося на вере ислама и неизменных принципах шариата». Говоря о задачах Центра, официальное саудовское издание подчеркивало: «Создание Центра национального диалога — деяние, имеющее уникальный патриотический характер. Центр призван выявить волнующие общество идейные, социальные, политические и экономические проблемы и помочь их решению на основе целенаправленного и конструктивного диалога. ... Если религия — это ствол, на котором зиждется нация, если родина невозможна без этого ствола, то роль диалога заключается в том, чтобы подтвердить наличие в нас возможностей содействовать развитию родины». Саудовский истеблишмент считал, что претворение в жизнь «принципа диалога» — путь к «расширению участия граждан» в принятии «национального решения», считая, что на этой основе возникнут «гражданские институты, содействующие

претворению в жизнь принципов справедливости, равенства и свободы слова на основе исламского шариата» [Марказ аль-малик, 2006, с. 3–12].

Возникновение Центра национального диалога вносило новые нюансы в начинания саудовской власти. Она заявляла, что нуждается во мнении общества, опираясь на которое она могла бы двигаться далее по пути реформирования государства. Она действительно обращалась к обществу, организуя (и жестко контролируя состав их участников) «региональные» и «общенациональные встречи» Центра. Это был курс, направленный на то, чтобы ослабить напряженность на внутриполитическом поле.

Первая «общенациональная встреча», состоявшаяся в августе 2003 г. в саудовской столице и объединившая наиболее известных и поддерживающих истеблишмент законоучителей, должна была придать процессу «национального диалога» необходимое шариатское оправдание. В ходе ее работы улемы, выражающие мнение сторонников официальной ханбалитской доктрины, соседствовали с представителями иных суннитских правовых школ, а также с богословами из шиитской общины и руководителями суфийских тарикатов. Они вместе выработывали то, что в Саудовской Аравии, основываясь на термине, использовавшемся в выступлении нынешнего монарха на этой «встрече», стали называть «умеренным исламским дискурсом» [Марказ, 2006, с. 32–35].

В течение пяти лет своей деятельности (2003–2008 гг.) Центр национального диалога организовал и провел еще шесть «общенациональных встреч», обсудивших важные для саудовского «политического класса» и общества вопросы. Принцип их проведения предполагал многоэтапность, — они начинались на уровне провинциальных административных образований, а затем представители региональных «встреч» встречались на «общенациональной встрече» в одном из городов королевства. Каждая из «общенациональных встреч» разрабатывала, основываясь на предложениях региональных «встреч», «рекомендации» политическому истеблишменту. Темы «общенациональных встреч» (среди участников которых были широко представлены и женщины) были разнообразны.

Вторая «общенациональная встреча» (декабрь 2003 г., Мекка) обсуждала причины возникновения внутрисаудовского террористического подполья [Марказ, 2006, с. 40–51]. Ее участники подчеркивали необходимость «обновления религиозного дискурса в соответствии с реалиями меняющейся системы международных отношений, на основе понимания ситуации в окружающем королевство мире и задач активного и открытого взаимодействия с ним». В рекомендациях этой встречи отмечалось, что стоило бы раз и навсегда отбросить практику «самостоятельных правовых суждений (отдельных улемов. — Г. К.) по вопросам, касающимся интересов нации». Эти «суждения» долж-

ны были, как подчеркивали рекомендации этой «встречи», стать «исключительной прерогативой органов, которым может быть доверено издание фетв». Наконец, рекомендации второй «общенациональной встречи» отмечали необходимость «выборов депутатов Консультативного совета и провинциальных советов, создания профессиональных союзов, ассоциаций и институтов гражданского общества».

Третья «общенациональная встреча» состоялась 12–14 июня 2004 г. в Медине. На ней обсуждалась тема прав и обязанностей женщин, все еще остающаяся болезненной для саудовского общества. «Основной сферой деятельности» женщины рекомендации этой «встречи» провозглашали семью. Тем не менее, делая акцент на семье, эти рекомендации подчеркивали, что женщина обладает «законным правом на труд и получение дохода». Если, однако, семья — основной удел женщины, то это означает, что общество обязано «обеспечить ее право на достойное супружество и материнство». Понятие «достойное супружество» трактовалось при этом как «определяемые исламом отношения полов, основывающиеся на взаимном сотрудничестве и равенстве возможностей», на «повиновении, подчинении и совете». Однако «повиновение и подчинение не означают господства и не отменяют способности женщины распоряжаться своей судьбой». Создать такое положение возможно, если в стране будет сформирован «специализированный общенациональный орган, занимающийся проблемами женщин и семьи и координирующий усилия правительственных и гражданских институтов». При этом «общенациональная встреча» в Медине (из ее 70 участников почти половину составляли женщины-преподавательницы высших учебных заведений и предпринимательницы) рекомендовала расширять «университетское и профессионально-техническое обучение для женщин» [Марказ, 2006, с. 54–66].

Четвертая «общенациональная встреча» проходила 7–9 декабря 2004 г. в Дахране (Восточная провинция). Ее участники (значительная доля которых представляла юношей и девушек) обсуждали проблемы молодежи, среди которых — «молодежь и образование», «молодежь и труд», «молодежь и культура», «молодежь и национальная идентичность».

Участники этой «встречи» обращали особое внимание на вопросы образования, делая акцент на необходимости развития «учебных заведений, занимающихся прикладными науками», и расширения их сети во всех регионах королевства. Цель этих учебных заведений заключалась бы не только в подготовке квалифицированных кадров, но и в «воспитании молодых людей в духе «критического мышления и стремления к новизне, ... ценностей умеренности ... и уважения к "другому"». Для участников этой «встречи» процесс глобализации был «объективным явлением», что предполагало содействие «позитивному взаимодействию саудовской молодежи с представителями других куль-

тур». Это требовало «воспитания молодежи в духе культуры диалога» и ее подготовки к тому, чтобы молодежь «стала бы лидером общества гражданских прав и вносила свой вклад в решение задач, стоящих перед национальным сообществом». Конечно же, даже в условиях развития глобализации это сообщество не могло не оставаться «исламским», поскольку ислам — «основа национальной идентичности». Но «исламская риторика нуждается в том, чтобы любовь к родине стала ее неотъемлемым элементом» [Марказ, 2006, с. 76–83].

Летом 2005 г. Центр национального диалога заявил о своей готовности провести новую серию дискуссий на тему «Мы и “другой”»: общенациональное видение взаимодействия с культурами мира». Определяя задачу этого мероприятия, руководство Центра подчеркивало: «“Мы” — это мусульмане, живущие на земле Королевства Саудовская Аравия, управляемые на основе норм шариата, принимающие ислам в качестве доктрины, определяющей всю нашу жизнь. “Другие” же — это не “мы”, и это понятие включает как наших арабских и мусульманских братьев, так, в самом широком смысле этого слова, весь мир. Иными словами, “другие” — это мир, в котором существуют иные религии, культуры и национальные идентичности». Рекомендации пятой «общенациональной встречи» — «Национальный взгляд на взаимодействие с культурами мира», — проходившей в декабре 2005 г. в центре провинции Асир (юго-запад страны), городе Абха, стали свидетельством формирования нового образа страны.

Собравшиеся в Абхе считали, что саудовское общество должно вступить на путь «плодотворного сотрудничества» с «культурами мира», что представляет собой задачу не только органов государства, но и общественных организаций — «университетов, различных институтов гражданского общества, включая торговые палаты, научные ассоциации, исследовательские центры и органы информации». Указание на заинтересованные в процессе «сотрудничества» общественные организации было важным шагом вперед. В итоговом документе этой встречи отмечалась необходимость нахождения адекватных форм и направлений сотрудничества между «саудовскими гражданами, объединенными одной религией — исламом и одним отечеством — Королевством Саудовская Аравия», с одной стороны, и «другими — сообществами людей, объединенных узами собственных религий, цивилизаций и отечеств», с другой [Марказ, 2007, с. 62–67].

В ноябре 2006 г. Центр национального диалога провел шестую «общенациональную встречу» в одном из наиболее депрессивных регионов страны — провинции Аль-Джуф на северо-западе королевства. Ее тема была определена как «Образование: реальность и пути развития». Вынесенная для общественного обсуждения тема имела, разумеется, не только технический аспект — как развивать образование в стране, но и более существенную сторону — какое образование должна получать саудовская молодежь. Идея «новой образовательной полити-

ки», построенной на том, чтобы содействовать подготовке кадров для «национальных проектов развития», соответствовала выдвигавшимся государством программам приватизации. Все та же идея сопрягалась и с новым этапом развития Саудовской Аравии после ее вступления в ВТО (в ноябре 2005 г.), что предполагало шаги в направлении расширения, по крайней мере в сфере университетского образования, доли современных технических специальностей, как и пересмотра системы школьного образования в соответствии с декларируемыми ныне в стране принципами «религиозной толерантности» и «цивилизационного диалога» [Марказ, 2007, с. 110–112].

В апреле 2008 г. в провинции Аль-Касым Центр национального диалога провел седьмую «общенациональную встречу» на тему «Сфера труда и занятости: диалог общества и предприятий». Ее участники рассматривали вопросы безработицы, «саудизации» рабочей силы (в первую очередь на предприятиях частного сектора), «допустимости» женского труда и «долгосрочной государственной стратегии в сфере занятости». Рекомендации этой встречи настаивали на «активизации деятельности государства, направленной на сокращение безработицы», как и «саудизации» рабочей силы, ради ликвидации причин, вызывающих к жизни антисистемное подполье. С другой стороны, они подчеркивали, что «шариатское законодательство» должно быть приведено «в соответствие с потребностями современной жизни», имея в виду уже распространяющийся в королевстве феномен женского труда [Аль-Ли́ка, 2008].

III

«Этап реформ» стал временем все более последовательного расширения состава Консультативного совета и организации первых выборов депутатов органов муниципальной власти. Оба эти начинания были частью предложений, включавшихся представителями национального «образованного класса» в «Видение настоящего и будущего родины».

Если в 1992 г., в момент создания национального *протопарламента* число его членов было равно шестидесяти [Бен Баз, 2000, с. 319], то пять лет спустя парламентское представительство было увеличено до девяноста. Впоследствии же, в 2002 г., новый королевский указ увеличил его до 120 «избираемых королем людей науки, опыта и умения». Наконец, четвертая парламентская сессия (2005 г.) ознаменовалась новым увеличением численности депутатского корпуса — в его состав вошло 150 чел. Указ короля Абдаллы бен Абдель Азиза от 14 февраля 2009 г., оставив без изменений число членов Консультативного совета, осуществил замену 81 депутата, введя в его состав представителей университетского корпуса, журналистов и специалистов в области прикладной науки и техники [Авамир, 2009].

Консультативный совет — важнейший центр притяжения для представителей саудовского «образованного класса». Данные о его членах свидетельствуют, что в его нынешнем составе «ученые и специалисты, занимающиеся вопросами воспитания, образования, медицины и инженерии». Среди них также «специалисты в области средств массовой информации, политики, экономики и безопасности, предприниматели и другие высококвалифицированные представители различных сфер знания и умения». 64 % всех членов Консультативного совета имеют степени докторов наук, 14 % — магистерские степени и 21 % — степени бакалавров. 80 % всех депутатов, имеющих докторские степени, — выпускники «западных университетов».

Консультативный совет характеризует присутствие в его рядах представителей средних и старших возрастных групп от 46 до 50 лет и старше 60 лет (26 % и 25 %, соответственно), но при этом в его составе высока и доля тех, чей возраст колеблется от 30 до 45 лет (не менее 38 %). Члены Совета — уроженцы городов (71 %), среди них преобладают выходцы из Хиджаза (42 %) и Неджда (37 %) [Косач, 2007, 136]. В составе двенадцати специализированных комиссий Консультативного совета представители религиозного истеблишмента численно значительны только в составе комиссии исламских дел и прав человека. Все остальные специализированные комиссии Консультативного совета укомплектованы специалистами в соответствующих сферах научно-го знания и производственной практики.

Появление Консультативного совета не стало показателем сколько-либо радикального нарушения уже сложившейся традиции распределения властных полномочий. Основной закон правления провозглашал «источником правовых суждений» в королевстве «Книгу Всевышнего Господа и Сунну Его Пророка» [Бен Баз, 2000, с. 271]. Это означало, что «Консультативный совет должен руководствоваться в своей деятельности источниками мусульманского права», видя свою задачу в том, чтобы «защищать государство и интересы нации» [Бен Баз, 2000, с. 319]. Создавая Совет, саудовская власть расширила сферу применения присяги-клятвы верности правящему монарху, вводя представителей «образованного класса» в число приносящих эту присягу.

За годы своего существования саудовский Консультативный совет не только остался совещательным органом при монархе — высшем сановнике национального «политического класса», но и в полном объеме сохранил свой статус протопарламента. Это подчеркивается и тем, что Основной закон правления провозглашает Совет органом «законодательной власти», определяемой как *ас-султа ат-танзымийя* — «власти», трактующей ниспосланный Богом «закон — шариат».

Общая характеристика возложенных на протопарламент задач определяется Законом о Консультативном совете: «Следуя источникам исламского шариата, члены Совета служат общему благу, охраняя

единство общества, основы государства и интересы нации». Совещательный характер этого элемента саудовской политической системы подчеркивается ссылками на необходимость «следовать примеру Пророка, совещавшегося со своими последователями». Это означает, что Консультативный совет имеет лишь право «высказывать свое мнение в отношении общей политики государства», разрабатываемой Советом министров, включая, в частности, «изучаемые им законы, законодательные акты, международные соглашения, договоры и концессии». Поскольку одно из положений Основного закона правления требует «сотрудничества властей в процессе исполнения ими их функциональных обязанностей», а король «выступает в качестве высшей инстанции для ветвей власти», монарх «передает» на рассмотрение Консультативного совета соответствующие решения и постановления. Он же ежегодно выступает «с королевским посланием» перед депутатами Консультативного совета, в котором «излагается внутренняя и внешняя политика государства».

В свою очередь, каждое из министерств обязано ежегодно представлять на рассмотрение членов Консультативного совета отчет о своей деятельности. Решения Консультативного совета по тем или иным обсуждавшимся им вопросам передаются королю, который, в дальнейшем, отправляет их на «рассмотрение» правительства. Если точки зрения двух институтов, «законодательной» и «исполнительной власти», по соответствующим вопросам будут идентичны, то эти решения будут «утверждены королем». В случае же расхождения их точек зрения король «утверждает» ту из них, которую он считает наиболее приемлемой. Однако «законы, международные соглашения, договоры и концессии публикуются и изменяются королевскими указами» только «после их изучения (выделено мною. — Г. К.) Консультативным советом» [Бен Баз, 2000, с. 319–321].

Вместе с тем саудовская «законодательная» власть более разветвлена. Положения Закона об управлении провинциями предусматривают создание при губернаторе каждой из провинций местного совета. Главой этого совета является губернатор, а в него входят — заместитель, мэры административных единиц провинциального подчинения, главы существующих в той или иной провинции региональных отделений центральных министерств и ведомств, а также «десять жителей провинции из числа людей науки, знания и умения». Их назначение в совет осуществляется по «указу главы Совета министров», однако обнародованию волеизъявления короля предшествует «рекомендация губернатора, согласованная с министром внутренних дел».

Региональный совет имеет право создавать специализированные комиссии для обсуждения проблем, связанных с развитием региона («определение полезных для его жителей проектов»). При этом каждый член совета имеет право направлять соответствующие запросы

губернатору, который включает их обсуждение в повестку дня проводящихся каждые три месяца заседаний консультативного органа провинции. Закон об управлении провинциями предписывает руководителям представленных на провинциальных уровнях государственных учреждений обязательное присутствие на заседаниях совета в том случае, если обсуждаемые на них вопросы затрагивают сферы деятельности соответствующих министерств.

Наряду с этим, государственные учреждения, имеющие свои представительства в провинциях, должны «принимать во внимание решения» региональных советов. В случае же невозможности их исполнения соответствующее министерство должно выступить с «разъяснением причин» возникающей ситуации, но региональный совет, в свою очередь, может, если он не удовлетворен «разъяснением», обращаться через министра внутренних дел с апелляцией к высшей инстанции — королю как к главе Совета министров [Бен Баз, 2000, с. 323–325].

Саудовский подход к вопросам формирования Консультативного совета, как и региональных советов, отталкивается от нескольких положений.

Речь идет в первую очередь о том, что, как подчеркивается в одном из изданий саудовского протопарламента, «мерилом избрания депутата является его принадлежность к людям науки, опыта и умения». Даваемые далее разъяснения уточняют это понятие: «Люди науки, опыта и умения — те, кто обладает необходимой научной подготовкой для работы в различных сферах общественной жизни, те, кто получил ту или иную специализацию, те, кто имеет опыт, позволяющий обогащать дискуссию в Совете или его комиссиях. Эти люди — поборники интересов нации». Принцип назначения членов Консультативного совета призван «исключить распространение в их среде взглядов, связанных с региональной или племенной принадлежностью». Саудовский политический дискурс не использует обычный арабский термин для обозначения понятия «депутат» — *наиб*, предпочитая обращаться только к термину *удв* — «член» Консультативного (или регионального) совета.

Консультативный совет — «собрание экспертов», необходимое главе государства для получения мнения специалистов по насущным проблемам внутренней и внешней политики. Но, включив в свой состав уроженцев всех регионов страны, Совет стал воплощением общесаудовского *национального* единства. Он обрел черты «мозгового центра», что позволило ему обрести статус одного из каналов влияния на принятие политического решения, который сегодня в обязательном порядке обсуждает все предлагаемые исполнительной властью законодательные инициативы, становясь как трибуной для выражения различных точек зрения по вопросам и внешней, и внутренней политики королевства, так и органом контроля над реализацией утвержденных

им правительственных решений. Работа в Совете предоставляет представителям «образованного класса» и возможность продвижения в структуре исполнительной власти.

Консультативный совет стал той инстанцией, которая внесла решающий вклад в подготовку правовых документов, на основе которых саудовское министерство по делам муниципальных и сельских административных образований провело первые муниципальные выборы. Его члены были включены в состав Центральной избирательной комиссии, а также выступали с публичными лекциями о значении муниципальных выборов и порядке их проведения. Сами же эти выборы (частичные) проходили в течение февраля–мая 2005 г.

В саудовском контексте «муниципалитет», как это понятие определял принятый еще в 1977 г. Закон о муниципальных и сельских административных образованиях, это — «юридическое лицо, обладающее финансовой и административной самостоятельностью и действующее в рамках предписанной ему сферы полномочий». Закон гласил, что половина членов муниципального совета должна избираться (вплоть до 2005 г. это положение никогда не претворялось в жизнь), а половина — назначаться.

Закон о муниципальных и сельских административных образованиях определял и сферу полномочий муниципального совета. Она включала «подготовку проекта муниципального бюджета», утверждавшегося в дальнейшем головным министерством, разработку «проектов развития муниципального образования и их техническое и архитектурное обоснование», а также «налоги, формирующие бюджет муниципалитета». В сферу этих полномочий входило осуществление мер по «поддержанию чистоты», «прокладке коммуникаций», «посадке деревьев для защиты от наступления песка» и т. п. Муниципальный совет далек от политики, — он лишь «решает технические вопросы в духе норм шариата» [Низам, 2005, с. 9–15].

Подчеркивая значение избирательной кампании, ее организаторы отмечали: «Выборы будут проходить на основе признанных во всем мире международных норм голосования, а общенародное участие в управлении муниципальными службами послужит делу коррекции решений правительства, которые будут в большей мере служить интересам гражданина. Участие в выборах сделает гражданина ... ответственным за принимаемые решения. ... В итоге высшие национальные интересы и интересы простых граждан совпадут, что подчеркнет значение фактора общенационального единства».

В муниципальных выборах могли принять участие все саудовские граждане мужского пола (кроме военнослужащих), достигшие возраста двадцати одного года при условии соблюдения годичного ценза оседлости. Министерство по делам муниципальных и сельских административных образований создало комиссии по регистрации избирателей в том или ином избирательном округе, а также Централь-

ную избирательную комиссию. Оно же утвердило порядок проведения выборов — на основе прямого и тайного голосования.

Порядок проведения выборов предполагал, что каждый кандидат должен «лично» вести свою избирательную кампанию. По согласованию с избирательной комиссией, кандидат мог вывешивать в заранее определенных местах свои материалы, листовки или плакаты. Он имел право публиковать свои программные документы в газетах и журналах, но не использовать в ходе предвыборной борьбы радио и телевидение, организовывать в заранее определенных избирательной комиссией местах встречи со своими избирателями. Сама же избирательная комиссия должна была относиться к кандидатам по принципу их «равенства». Никакая «государственная организация, компания или предприятие, частью акций которой владеет государство», не могла оказывать «материальную или моральную помощь и поддержку» потенциальному депутату. Целью выборов провозглашалось «укрепление единства отечества».

Кандидаты не могли «разжигать конфессиональную, племенную или региональную рознь». Им запрещалось вести избирательную кампанию в «мечетях, учебных заведениях, спортивных клубах, учреждениях культуры, благотворительных обществах и государственных органах власти» (как и в «зданиях иностранных посольств и консульств, а также представительств международных организаций»). Кандидаты не должны были использовать государственную символику, символы государственных учреждений, а также какие-либо образы религиозного и исторического характера, имена, портреты или фотографии политических деятелей прошлого и настоящего. Инструкция по организации избирательных кампаний требовала от кандидата «не допускать предоставления подарков или содействовать в получении места работы» его избирателям [Ляиха интихаб аада аль-маджалис аль-балядийя, 2005, с. 1–4].

Саудовские муниципальные выборы продемонстрировали по меньшей мере два важных обстоятельства. Это, во-первых, ожесточенная предвыборная борьба многочисленных кандидатов, а, во-вторых, высокая доля участия избирателей в прошедшей кампании. Так, только в одном эр-риядском квартале Ар-Руэйда на четыре депутатских места претендовало 20 кандидатов, а в провинции Эр-Рияд на 38 депутатских мест претендовало более 1800 кандидатов. В городе Хуфр Аль-Батын (Восточная провинция) за пять депутатских мест конкурировали 86 кандидатов. На шесть депутатских мест в городке Аль-Хафджи (на границе с Кувейтом) были выдвинуты кандидатуры 57 человек. Не менее значительным было число кандидатов в западных провинциях страны — на семь депутатских мест в муниципальном совете Медины претендовал 371 кандидат, а на равное количество депутатских мест в Джидде — 500. В Мекке на 7 мест в городском муниципальном совете претендовало 600 кандидатов. В сельских избирательных округах число кандидатов не опускалось ниже пяти-шести человек на одно место.

В свою очередь, количество избирателей, принявших участие в голосовании в провинции Эр-Рияд, составило более 70 % от общего числа зарегистрированных. Эта доля в Мекке составила 60 %, в Медине — 74 %, в городах Восточной провинции (Даммам, Дахран) доля участия колебалась от 65 до 72 %. При этом уровень участия в выборах в сельских населенных пунктах значительно превышал показатели крупных городов.

Победителями избирательной кампании в столице стали обладатели докторских степеней, полученных по техническим специальностям в университетских центрах Соединенных Штатов и Великобритании, а также местные предприниматели. Ситуация Эр-Рияда полностью повторилась в городах Восточной провинции, что естественно, поскольку этот регион — основная зона нефтедобычи и нефтепереработки. Победителями же в Мекке и Медине стали выходцы из «академической среды» — *улемы*-преподаватели расположенных там религиозных колледжей и университетов. Но в ведущих городах Хиджаза — Джидде, Табуке и Таифе вперед вышли выходцы из рядов традиционно сильной в этих городах и влиятельной предпринимательской страты, как и в Эр-Рияде или городах Восточной провинции, получившие докторские степени в ведущих учебных центрах Запада.

Все же, независимо от уровня образования, места жительства, возраста или общественного статуса, все кандидаты неизменно апеллировали к религии. Комментируя результаты выборов в Джидде, один из победителей — предприниматель и обладатель полученной в Соединенных Штатах докторской степени Абдель Рахман Ямани заявил в сделанном им 1 мая 2005 г. интервью: «Мы — глубоко верующий народ. В нашей стране нет места лаицистам». Для человека, произносившего эти слова, религиозная основа саудовского социума была неоспорима, как и то, что ислам является важнейшим маркером национальной политической культуры. Это означало, что любой представитель современного «образованного класса» мог быть с полным основанием назван «исламистом», для которого религия — инструмент вхождения в ряды политической элиты [Косач, 2007, с. 124–125].

Тем не менее муниципальные выборы доказали, что, оставаясь патриархальным, саудовское общество изменилось. В нем уже присутствуют принципиально важные элементы политического процесса, которые, что не менее существенно, приняты саудовским социумом, соединившим эти элементы с традицией.

* * *

Саудовская Аравия — крупнейший производитель и поставщик углеводородного сырья на мировые рынки, участник ведущих международных банковско-финансовых структур и специализированных организаций. Эта держава — системообразующее звено в сфере межарабских и

сложившихся в мусульманском мире межгосударственных отношений. Для саудовского истеблишмента мысль о том, что Королевство Саудовская Аравия составная часть международного политического, экономического и геополитического баланса сил, одна из основ нового мирового порядка, давно уже является незыблемой истиной.

При этом Саудовская Аравия — страна, где видимое господство традиции — неоспоримая реальность. 3 августа 2005 г. в Саудовской Аравии происходила церемония принесения присяги нынешнему королю Абдалле бен Абдель Азизу. Описывая это событие, лондонская «Аш-Шарк Аль-Аусат» сообщала: «Сегодня шейхи и нотабли племен, ведущих семей и все граждане приносят присягу Служителю Двух Благородных Святынь (официальный титул монарха страны, где расположены Мекка и Медина. — Г. К.) королю Абдалле бен Абдель Азизу. Церемония принесения присяги началась ... в Эр-Рияде, где ее произнесли в присутствии Служителя Двух Благородных Святынь. Присяга будет также произнесена во всех провинциях страны перед губернаторами в их качестве представителей монарха. Присяга — это связующая нить между правителем и гражданином, который клянется в верности на Книге Господа и Сунне Его Пророка в полном послушании и подчинении монарху. Она идентична той, которую после смерти Пророка мусульмане принесли первому праведному халифу Абу Бакру» [Марасим, 2005].

Но принятый на 2009 финансовый год саудовский бюджет представляется далеким от традиции. Его общий объем составил 475 млрд саудовских риалов (127 млрд долларов США), став самым большим бюджетом в истории Саудовского государства. Обращаясь к гражданам своей страны, правящий монарх подчеркивал: «Новый бюджет станет инструментом осуществления программ развития, позволит содействовать росту национальной экономики, а также создать новые рабочие места для граждан и гражданок. В бюджете предусмотрена финансовая поддержка новых программ и проектов, общие расходы на которые составят 225 млрд риалов». Король Абдалла сообщал и об основных параметрах нового бюджета, отметив, в частности: «На сферу начального, среднего и высшего образования, подготовки рабочей силы, развития науки и техники, научных исследований, как и программ, связанных с обучением студентов за границами королевства, бюджет выделяет 122 млрд риалов» или, примерно, четверть его расходной части. Предусматриваемые этим бюджетом расходы на здравоохранение и социальное развитие достигнут, по словам саудовского монарха, не менее 52 млрд риалов, которые будут направляться на строительство новых лечебных заведений, а также «борьбу с бедностью» [Аль-Малик, 2008].

Однако традиция всего лишь трансформируется — авторитарное государство остается основным донором сферы социально-экономического развития. Оно же диктует свою волю, решая проблемы, связанные с ее политической эволюцией. В этой области суть его

начинаний едва ли не наиболее адекватно выразил нынешний министр иностранных дел принц Сауд Аль-Фейсал (одна из важнейших фигур в «команде» правящего монарха): «Если в средневековой Европе крепостной крестьянин выдвигал требование свободы, то абсолютную свободу перемещавшегося по Аравийской пустыне кочевника следовало ограничить ради того, чтобы он с помощью насилия и межплеменных войн не покушался на свободу других» [Аль-Фейсал, 2005, с. 1]. Эта «кочевая свобода» и сегодня вводится в предписываемые ей рамки, — иные варианты развития способны взорвать «национальное единство».

Вместе с тем феномен этого «национального единства» (как и самой традиции) пластичен и изменчив. Его сохранение, что волнует власть, ни в коей мере не предполагает ее отказа от «направляемой» самоорганизации общества. Часть этого процесса — создание организаций «образованного класса», возникающих на основе принятого в конце декабря 2007 г. одобренного Консультативным советом и вынесенного на его рассмотрение Советом министров Закона об общественных организациях и институтах. Отныне ранее создававшиеся организации «образованного класса» получили юридическую основу своей деятельности. Речь идет об общественных организациях, которые Закон определил как «группы, созданные на определенный или длительный срок ... физическими лицами, деятельность которой направлена не на получение прибыли, а на осуществление той или иной благородной цели». В списке этих целей — «социальная, культурная, образовательная, профессиональная и творческая деятельность, как и деятельность в сфере здравоохранения». Разумеется, сама эта «деятельность» не может противоречить «положениям исламского шариата, нарушать существующую систему правления и нормы общественной морали», а «должна быть направлена на сохранение единства общества» [Низам, 2008].

В этом случае речь вновь идет всего лишь об участии саудовского «образованного класса» в инициированном политическим истеблишментом и жестко им же контролируемом процессе эволюционных реформ, предполагающем достижение общественного согласия без того, чтобы был нарушен баланс внутрисаудовских социально-политических структур. Тем не менее движение в этом направлении привело в том числе и к появлению «общественной» Национальной ассоциации прав человека со штаб-квартирой в Эр-Рияде и отделениями в основных центрах провинций. В марте 2006 г. эта Ассоциация предала гласности первый в истории Саудовской Аравии Отчет о положении в области прав человека в Королевстве Саудовская Аравия.

Этот беспрецедентный документ открывал аят Корана: «Мы почтили сынов Адама» [Коран 17:70]. Определяя цель публикации Отчета, его составители подчеркивали: «Проблема прав человека приобретает огромное значение потому, что она вытекает из самой природы этих прав и необходимости их защиты ради сохранения достоинства чело-

веческой личности. Благородный Коран словами самого Всевышнего Господа подчеркивает Божественное уважение человека». Собственно, ради того чтобы «содействовать пониманию» гражданами Саудовской Аравии, того, что «их права провозглашает исламский шариат, местное законодательство, ... а также международные соглашения, к которым присоединилось Королевство», и был опубликован подготовленный Ассоциацией Отчет [ат-Такрир, 2006].

Эта инициатива имела и продолжение, — в марте 2009 г. был предан гласности и второй Отчет о положении в области прав человека в Королевстве Саудовская Аравия. На этот раз внимание его авторов было сконцентрировано на вопросах распространения «культуры прав человека» в высших учебных заведениях страны, как и на том, как национальная судебная власть претворяет в жизнь саудовское законодательство, а также положения международных законодательных актов, касающихся прав человека, к которым присоединилось и Саудовское королевство [ат-Такрир, 2008].

Новые идеи и новые структуры вновь вписывались в традицию, ослабляя напряженность внутривосточного поля и предлагая действующим на нем игрокам путь согласованного решения стоящих перед ними проблем.

Список источников и литературы

- Коран* / Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986.
- Авамир, 2009 — Авамир малякийя тадухх рух аль-ислях фи аль-кытаат аль-ахамм (Королевские указы содействуют реформированию важнейших секторов) // *Аль-Ватан*. Эр-Рияд. 15 февраля 2009. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.alwatan.com.sa/news/newsdetail.asp?issueno=3061&id=90399&groupID=0>].
- Аль-Ли́ка, 2008 — *Аль-Ли́ка аль-ватаний ас-саби́а «Маджалят аль-амаль ва ат-таузыф»* (Седьмая общенациональная встреча «Сфера труда и занятости»). 2008. [Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.kacnd.org/seventh_meeting_last_article.asp].
- Аль-Фейсал, 2005 — Аль-Фейсал С. Аль-Ислях байн ас-сабит ва аль-мутагайяр (Реформа: постоянные и переменные величины) // *Ад-Дипломасий*. Эр-Рияд. № 23, апрель 2005.
- Бен Баз, 2000 — Бен Баз А. *Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя* (Политическая и конституционная система Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд: Дар аль-хариджин, 2000.
- Аз-Захрани, 2000 — Аз-Захрани С.Х. *Мушкилят ат-танми́йя аль-иджтима́ийя фи аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи фатра ат-тахты́т ат-танмавий фи маджалят ат-тарбийя ва ат-таали́м* (Вопросы социальной эволюции в Королевстве Саудовская Аравия в эпоху планирования развития сфер среднего и высшего образования). М., 2000.
- Косач, 2007 — Косач Г.Г. *Саудовская Аравия: внутривнутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990 — 2006 г.)*. М.: Институт Ближнего Востока, 2007.
- Кудряшова, 2009 — Кудряшова И.В. Исламский дискурс и национализм в современном арабском мире // *Мир ислама. История, общество, культура: Материалы Международной исламоведческой научной конференции. 11–13 декабря 2007 г., Москва, РГГУ*. М.: ИД Марджани, 2009.
- Ляиха, 2005 — *Ляиха интихаб а'да аль-маджалис аль-балдийя* (Порядок избрания членов муниципальных советов). Эр-Рияд: Ляджна аль-интихабат аль-марказийя (Центральная избирательная комиссия). 2005.
- Аль-Малик, 2008 — Аль-Малик Абдалла якурр акбар мизанийя фи тарих Ас-Саудийя (Король Абдалла утверждает самый большой бюджет к истории Саудовской Аравии) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 23 декабря 2008. — Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.asharqalawsat.com/details.asp?section=1&issueno=10983&article=500054>.
- Марасим, 2005 — Марасим би́я аль-малик Абдалла (церемония принесения присяги королю Абдалле) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 4 августа 2005. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.asharqalawsat.com/details.asp?section=4&article=315863&issueno=9746>].
- Марказ, 2006 — *Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Далиль таъарифий* (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза. Ознакомительный справочник). Эр-Рияд, 2006.
- Марказ, 2007 — *Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Аль-Ли́каат аль-ватаний лиль хивар аль-ватаний* (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза. Национальные встречи национального диалога). Эр-Рияд, 2007.

Низам, 2005 — *Низам аль-балядийят ва аль-кура* (Закон о муниципальных и сельских административных образованиях). Эр-Рияд: Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя, 2005.

Низам, 2008 — Низам аль-муассасат аль-ахлийя (Закон об общественных институтах) // *Аль-Ватан*, 18 января 2008. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.alwatan.com.sa/news/newsdetail.asp?issueno=2667&id=37975&groupID=0>].

Ру'йа — *Ру'йа ли хадыр аль-ватан ва мустакбалихи*. Б.м., б.г.

ат-Такрир, 2006 — *Ат-Такрир аль-авваль ан ахваль хукук аль-инсан фи аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя* (Первый отчет о положении в сфере прав человека в Королевстве Саудовская Аравия). 2006. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://nshr.org.sa/RightMenuCMS.aspx?smid=4>].

ат-Такрир, 2008 — *Ат-Такрир ас-сани ан ахваль хукук аль-инсан фи аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя 2008* (Второй отчет о положении в сфере прав человека в Королевстве Саудовская Аравия). 2008. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://nshr.org.sa/nsfiles/report2.pdf>].

Фейсал бен Машаль, 2000 — Фейсал бен Машаль бен Сауд бен Абдель Азиз Аль Сауд. *Аль-Маджалис аль-мафтуха ва аль-мафхум аль-ислямий ли аль-хукм фи сияса аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя* (Открытые советы и исламское понимание власти в политике Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд: Дар аль-хариджин, 2000.